

У КОНСТАНТИНА СЕРГЕЕВИЧА

К 100-летию со дня рождения
Н. С. Станиславского

Мы будем гостями Константина Сергеевича. Новость эту я узнал от Б. М. Филиппова — директора клуба мастеров искусств. Мы — это общественный актив клуба, в который, наряду с прославленными артистами, входила и группа молодежи.

Происходило это в середине марта 1935 года. Все последующие дни были наполнены ожиданием предстоящей встречи со Станиславским. Имя это не только воплощало в себе великого режиссера и большого артиста, но стало синонимом честно-целенаправленного служения искусству театра.

27 марта, около трех часов дня, из Старо-Пименовского переулка мы направились в автобусе в Леонтьевский. Шумливая актерская публика на этот раз выглядела необычно тихой и сосредоточенной. И единственным человеком, кто нарушал это настроение, был В. Я. Хенкин. На Владимира Яковлевича снизошло подлинное вдохновение — он сыпал остротами, рассказывал анекдоты. Нечасто можно было видеть его в таком «ударе». Его настроение заразило и спутников. Дружный хохот находящихся в автобусе оборвался только тогда, когда машина остановилась у дома № 6 в Леонтьевском переулке.

Вход со двора. По внутренней деревянной лестнице поднимаемся в бельэтаж. На несколько минут задерживаемся в прихожей — комнате с синими стенами и толстенными, низкими колоннами.

Наконец переступаем порог большой комнаты. Да полно, комната ли это? Первое, что бросается нам в глаза, — это высокие, театральные стены. Как мы узнаем потом, в эти дни здесь шли репетиции оперы «Кармен» для музыкального театра. Об этом свидетельствуют разбросанные то здесь, то там предметы — бутылки и реквизита.

Продолговатая форма зала, в котором мы находимся, справа завершается классической колоннадой и портиком. Этот архитектурный элемент кажется удивительно знакомым... Конечно, ведь это он бесчисленное число раз встречался нам, повторенный на афишах оперного театра в виде эмблемы театра.

Мы ждем 10—15 минут. Взгляды всех устремляются на большую дверь, за которой послышались чьи-то шаги... Вот повернулась медная ручка, и в комнату стремительно вошел, почти вбежал Иван Михайлович Москвин. Еще несколько секунд, и в комнату вошел Константин Сергеевич.

Нас по очереди представляют Станиславскому, а он, пожимая руку, «сверлит» каждого глазами, и его взгляд не спрашивает — что ты за человек, а кажется — утверждает: «Ах, вот ты какой! Я тебя понимаю».

Затем, по приглашению хозяйна, мы все усаживаемся за двумя длинными столами, приготовленными к чаю. Начинается беседа с Константином Сергеевичем.

Он говорит о мастерстве, о том, что звание мастера завоевывается умением достигать цели нашего искусства, а этой целью является передача в художественной форме жизни человеческого духа. Станиславский говорит о зрителе, как соучастнике процесса актера. Он

утверждает, что зрительный зал является собой хорошую акустическую среду для переживаний артиста. Константин Сергеевич признается, что в пустом зале он не сыграет. Актеру, его лидирующему положению в искусстве театра посвящена эта беседа. Мастерство актера предполагает высокую культуру, знание и владение технологией творчества. Актер, который игнорирует это, доверяясь таланту, интуиции, часто бывает жестоко наказан, — подчеркивает Константин Сергеевич. Как важно, как необходимо уметь поддерживать нормальную жизнь роли, спектакля в целом, предостерегая его от «выживов». Ведь после одного неправильного спектакля потребуются еще десять, чтобы вернуть ему правильное звучание.

Происходящий разговор ничем не напоминает лекцию, хотя мысли, которыми делится этот человек, — плод практики всей его беспримерной жизни в искусстве, и человек этот является первым теоретиком искусства театра.

Все, что говорит Константин Сергеевич, абсолютно лишено дидактики, нравоучения... Просто это беседа, как равный с равными, человек, который лишь несколько больше знает и несколько дальше видит. И порой кажется, что Станиславский даже смущается, в паузах прислушиваясь к той тишине, которая царит в зале, читая в глазах слушателей безграничное уважение и любовь.

Чрезвычайно живописно, сценично выглядит в кресле его большая фигура и вместе с тем абсолютно органично.

И снова Константин Сергеевич возвращается к разговору о главном в театре — об актере. Он говорит о нем, как о гармонично развитом, культурном и здоровом человеке.

По утверждению Станиславского, в наше время подлинный художник-творец не может быть нездоровым человеком. Для развития артиста, для его здоровья большое значение имеет регулярный, разумно организуемый отдых. Актер должен много читать, видеть. При этом очень важно, наблюдая окружающую жизнь, смотря на произведения искусства, — делать это не пассивно, но творчески, т. е. фантазией своей вмешиваясь в наблюдаемые события или явления, как творец, соучастник их. «Как жаль, что наши актеры часто, кроме репетиций, мало что видят!» — восклицает Константин Сергеевич. — Актерам необходимо много видеть, а для этого путешествовать, наблюдая людей, их нравы, быт. Для актера необходим огромный запас внутренних видений».

Организаторы встречи дают понять, что пора заканчивать беседу: Константин Сергеевич устал...

Затем все выходит из за столов. Начинаются приготовления к концерту, который гости должны дать для Станиславского.

Удивительно, что те, кому предстоит выступить, не могут скрыть своего волнения. Константин

Сергеевич пытается приободрить участников концерта. Он говорит, что в течение нескольких лет не был ни в Художественном театре, ни в каком-либо другом и сейчас является самым добрым зрителем в Москве. Мы, несколько человек молодежи, окружили Константина Сергеевича. Он обращает внимание на то, что, слушая его беседу, мы ничего не ели, а время уже позднее — скоро начало спектаклей, и пообедать мы не успеем.

Но вот возникла серая ширма для номера с куклами С. Образцова. Все занимают места. Немногочисленные зрители устраиваются где попало — иные на репетиционном станке, или под ним. Я не помню другого концерта с такой малочисленной аудиторией и вместе с тем — такого трепетно-волнующего для его участников.

Выступают: С. Балашов, К. Новикова, Р. Зеленая, Д. Орлов, В. Хенкин, С. Образцов. Далеко не одинаково принимает каждого из исполнителей Станиславский.

Хенкин читает рассказ о том, как мальчишка прыгнул со 2 этажа с зонтиком, испортил его, чем вызвал гнев матери, которая, возмущаясь за испорченную вещь, говорила: «Прыгал бы с утюгом — я бы тебе слова не сказала!» Слушая рассказ, а особенно конец его, Константин Сергеевич хохотал, хохотал безудержно, покраснев и вытирая выступившие на глазах слезы.

Действительно, редко можно было видеть более непосредственного зрителя. Когда Владимир Яковлевич закончил свой номер, тут же между исполнителем и Станиславским завязалась короткая беседа. Оба стали вспоминать, где виделись в последний раз, и Константин Сергеевич вспомнил, что было это в Одессе во время гастролей МХАТа. Судя по всему, он с большой симпатией относился к В. Я. Хенкину и высоко ценил его редкий талант.

Той же безудержной реакцией Станиславского было отмечено и выступление С. Образцова. Когда зазвучала «Хабанера» и над ширмой, треща кастаньятами, замелькал в «зажигательной» пляске, перехваченной шалью тонкий стан Кармен, — Константин Сергеевич вновь хохотал до слез. Может быть, такая реакция в данном случае была особо обостренной тем обстоятельством, что в эти дни Станиславский репетировал оперу Бизе.

Концерт окончен. Мы прощаемся с Константином Сергеевичем. В его обществе, — слушая его, наблюдая его, — мы провели более трех часов. Но не количеством времени измеряется значимость этой встречи, а тем, что мы общались с живым Станиславским, лишенным «хрестоматийного глянца».

Скоро 8 часов. Всем нам пора в разные театры. Мы выходим на улицу. Над Москвой лежит сырой, мартовский вечер.

В сердце и в памяти каждого из нас — один образ, хотя мы идем в разные театры.

М. ТАРАНОВ,
директор Первого Московского областного драматического театра.